

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

А.В. Курамшиев

В современной социальной психологии отсутствует единая теория гендерной социализации, существуют несколько теорий, каждая из которых имеет как сильные, так и слабые стороны.

Сторонники психоаналитической теории идентификации, восходящей к взглядам З. Фрейда, полагают, что ребенок бессознательно идентифицируется с образом взрослого человека своего пола, чаще всего отца или матери, и затем копирует его поведение [1].

Теория половой/гендерной типизации У. Мишеля придает решающее значение процессам обучения и положительного и отрицательного подкрепления: поскольку взрослые поощряют мальчиков за маскулинное и осуждают за феминное поведение, а с девочками поступают наоборот, ребенок сначала учится различать полдиморфические образцы поведения, затем — выполнять соответствующие правила и наконец интегрирует этот опыт в своем образе «Я» [2, с. 3–72].

Когнитивно-генетическая теория Л. Колберга подчеркивает познавательную сторону этого процесса и особенно роль самосознания: ребенок сначала усваивает представление о том, что значит быть мужчиной или женщиной, затем категоризует себя в качестве мальчика или девочки, после чего старается соответствовать своему поведению со своими представлениями о своей гендерной роли [3, с. 56–93].

Первичная гендерная социализация ребенка начинается буквально с момента рождения. Как только кто-нибудь (обычно специалист-акушер) объявляет: «Родился мальчик!» или «Родилась девочка!», — запускаются социальные механизмы, которые впоследствии будут влиять на формирование гендерной идентичности взрослого человека.

Процесс становления гендерной идентичности можно представить как следующие друг за другом этапы, при этом можно отметить, что современные исследователи расходятся в их количестве и содержании.

Так, Ш. Берн выделяет четыре стадии установления половой идентичности: *гендерную идентификацию* (отнесение ребенком себя к тому или иному полу); *гендерную константность* (понимание, что гендер постоянен и изменить его нельзя); *дифференциальное подражание* (желание быть самым лучшим мальчиком или девочкой) и *гендерную саморегуляцию* (ребенок сам начинает контролировать свое поведение, используя санкции, которые он применяет к самому себе) [4].

С. Томпсон выделяет в раннем развитии половой роли три этапа: 1) ребенок узнает, что существует два пола; 2) он включает себя в одну из этих категорий; 3) на основе самоопределения он руководит своим поведением, выбирая и предпочитая новые формы поведения [5, с. 339–347].

Большинство ученых соглашаются с тем, что мальчики и девочки в процессе воспитания подвергаются разному обращению, что получило название дифференцирующей социализации.

Например, И.С. Кон отмечает, что первичное сознание своей половой принадлежности формируется у ребенка уже к полутора годам, составляя наиболее устойчивый стержневой элемент его самосознания. С возрастом объем и содержание гендерной идентичности меняются, включая широкий набор маскулинных и фемининных черт [6, с. 166–210].

Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не умеет обосновывать эту атрибуцию. К трем годам 75% детей считают себя мальчиком или девочкой [7, с. 81].

В три-четыре года ребенок уже осознанно различает пол окружающих людей (интуитивно это делается гораздо раньше), но часто ассоциирует его со случайными внешними признаками, например с одеждой, стрижкой волос и допускает принципиальную обратимость, возможность изменения пола. Например, многие дети уверены в том, что, если надеть на мальчика платье, он становится девочкой.

По каким признакам дети определяют свою и чужую половую принадлежность — до конца неясно. Уже в три-четыре года половая принадлежность ассоциируется с определенными соматическими (образ тела, включая гениталии) и поведенческими свойствами, но приписываемая им значимость и соотношение таких признаков могут быть различными.

В роли гностического аппарата выступает система «схема тела», которую можно рассматривать как психофизиологический информационный аппарат, где постоянно формируется и сопоставляется динамический и статический образы тела, а также оперативные образы. На социально-психологическом уровне развития системы «схема тела» формируются образы, связанные с такими представлениями, как полоролевые функции, мораль. «Схема тела» таким образом выступает как аппарат не только самопознания, но и самосознания. Осознание индивидом своей половой идентичности предполагает определенное отношение к ней (полоролевую ориентацию и полоролевые предпочтения).

Социокультурным аналогом полового диморфизма является дифференциация половых ролей, которая в известном смысле универсальна и транскультурна, но ее конкретное содержание в разных обществах зависит от уровня социально-экономического развития, особенностей культуры и конкретного образа жизни. При изучении половых ролей исследуется широкий круг вопросов: степень поляризации мужских и женских ролей в разных видах общественно-трудовой, семейной и обрядовой деятельности; содержание соответствующих ролей и ожиданий; определение того, насколько жестки и институционализированы половые различия; как соотносится половозрастное разделение труда с иерархией мужских и женских социальных статусов; допускаются ли индивидуальные вариации, идущие вразрез с нормативной дифференциацией половых ролей, и т.д.

Американские психологи Э. Маккаби и К. Джеклин отмечают несколько возможных вариантов, объясняющих процесс гендерной социализации:

1. Родители обращаются с разнополыми детьми так, чтобы приспособить их поведение к принятым в обществе нормативным ожиданиям. Мальчиков поощряют за энергию и соревновательность, а девочек — за послушание и заботливость. Поведение же, не соответствующее полоролевым ожиданиям, в обоих случаях влечет отрицательные санкции.

2. Вследствие врожденных половых различий, проявляющихся уже в раннем детстве, мальчики и девочки по-разному «стимулируют» своих родителей и тем самым добиваются разного к себе отношения. Кроме того, в результате тех же врожденных различий одно и то же родительское поведение может вызывать у мальчиков и девочек разную реакцию. Иначе говоря, ребенок «формирует» родителей еще больше, чем они воспитывают его, а реальный стиль воспитания складывается в ходе их конкретного взаимодействия, причем и требования ребенка, и эффективность родительского воздействия изначально не одинаковы для обоих полов.

3. Родители обращаются с ребенком, исходя из своих представлений о том, каким должен быть ребенок данного пола. Адаптация ребенка к нормативным представлениям родителей может происходить по-разному.

3а. Родители стремятся научить детей преодолевать то, что они, родители, считают его естественными слабостями. Например, если родители считают, что мальчики по природе агрессивнее девочек, они могут тратить больше усилий на то, чтобы контролировать или противодействовать агрессивному поведению сыновей, а дочерям, наоборот, помогают преодолевать предполагаемую естественную робость.

3б. Родители считают поведение, «естественное» для данного пола, неизбежным и не пытаются изменить его; поэтому мальчикам сходят с рук шалости, за которые девочек наказывают.

3в. Родители по-разному воспринимают поведение мальчиков и девочек, замечая и реагируя преимущественно на такие поступки ребенка, которые кажутся необычными для его пола (например, если мальчик робок, а девочка агрессивна).

4. Родительское отношение к ребенку в известной степени зависит от того, совпадает ли пол ребенка с полом родителя. Здесь возможны три варианта.

4а. Каждый родитель хочет быть образцом для ребенка своего пола. Он особенно заинтересован в том, чтобы обучить ребенка секретам и «магии» собственного пола. Поэтому отцы уделяют больше внимания сыновьям, а матери — дочерям.

4б. Каждый родитель проявляет в общении с ребенком некоторые черты, которые он привык проявлять по отношению к взрослым того же пола, что и ребенок. Например, отношения с ребенком противоположного пола могут содержать элементы кокетства и флирта, а с ребенком собственного пола — элементы соперничества. Привычные стереотипы господства-подчинения также нередко переносятся на детей. Женщина, привыкшая чувствовать себя зависимой от мужа и вообще от взрослых мужчин, проявит такую установку скорее к сыну, чем к дочери. Особенно сказывается это в отношении со старшими детьми.

4в. Родители сильнее идентифицируются с детьми своего, нежели противоположного пола. В этом случае родитель замечает больше сходства между собой и ребенком и более чувствителен к его эмоциональным состояниям. Это во многом зависит от самосознания родителя [8].

Но, как отмечает И.С. Кон, ребенок — не пассивный объект гендерной социализации. Опираясь на рассогласованность действий своих воспитателей, взрослых и сверстников, и собственный жизненный опыт, он выбирает из предлагаемых ему образцов что-то свое.

На уровне культуры половые роли существуют в контексте определенной системы половой символики и стереотипов маскулинности и феминности. Принятие и усвоение индивидом определенной половой роли дает ему половую идентичность, с которой в дальнейшем соотносятся самосознание личности и все свойства его поведения.

Однако завершение формирования гендерной идентичности происходит лишь в юношеском возрасте. Особое значение в подростковом возрасте и юности имеет увеличение интереса к сексуальному поведению. Одним из важных способов подтверждения гендерной идентичности в этот период являются воображение и фантазии на сексуальные темы.

Особый аспект проблемы — дифференциация сексуальных ролей, т.е. нормативных для данного пола правил и образцов сексуального поведения. В традиционных обществах система половых ролей обычно отличается жесткостью и определенностью, хотя она отнюдь не одинакова в разных культурах. В современном обществе, в связи с эмансипацией женщин, кризисом мужественности, традиционная дифференциация половых ролей переживает радикальную ломку. Этот процесс неодинаково протекает в разных социально-экономических и этнокультурных средах.

Существуют очень большие вариации в степени сексуального интереса, развивающегося в подростковый период. Опыт сексуальных и романтических отношений в юности также значительно отличается у разных людей. Он зависит от таких факторов, как социальное положение, степень заинтересованности в сексе, установки компании сверстников, религиозная принадлежность, влияние родителей, средств массовой информации и т.д. К этому моменту в психосексуальном развитии человека формирование гендерной идентичности практически завершается. В дальнейшем возможны какие-то ее небольшие изменения, но фундаментальные паттерны, по-видимому, устойчивы.

Итак, существует довольно мало качественных различий между мужчинами и женщинами, т.е. таких черт, которые являются исключительно принадлежностью тех либо других. Лишь несколько мужских и женских физиологических характеристик или функций не могут быть сколько-нибудь существенно изменены под влиянием культуры: менструации, вынашивание детей и выработка молока молочными железами у женщин, эякуляция спермы у мужчин. Различия в половых органах и в их роли в размножении и, в меньшей степени, различия вторичных половых признаков обычно легко распознаваемы. За пределами этих черт существует мало доказательств существования врожденных характеристик, которые могут быть определены как несомненно мужские или женские.

При переходе от проблем биологии человека к другим факторам, участвующим в формировании гендерной идентичности, в первую очередь, необходимо отметить множественность взаимодействий, вовлеченных в этот процесс. На социокультурном уровне разделение людей на две различные группы, основываясь на их поле, превращается в гораздо более запутанное дело.

Главный смысл различия понятий «гендера» и «пола» видится ряду современных исследователей в исключении биологического детерминизма, который приписывает все социокультурные различия, связанные с полом, универсальным природным факторам. Однако параметры, по которым люди оценивают и воспринимают себя и других, включают как социокультурные так и физико-биологические характеристики (например, тело). Предполагается, что почти все традиционно считавшиеся «естественными» различия между полами на самом деле являются системой социальных и культурных установок. В социологии и психологии понятие «гендер» разрабатывается как фундаментальный структурирующий принцип, во многом аналогичный классу. Для интерпретации социально-исторических процессов с позиций гендерного подхода используются социологические модели, объясняющие процесс формирования социальной идентичности и ее изменение во времени; возникновение и распад социальных групп в условиях неравенства; установление и подрыв культурной гегемонии господствующих групп.

В отечественной социологии проблемы «пола» и его изучения долгое время оставались маргинальными, что отразилось, в частности, в неразработанности

терминологического аппарата. Правда, необходимо отметить, что вопрос терминологии не разрешен до сих пор в целом и является одним из дискуссионных.

При этом можно назвать много сравнительных исследований женщин и мужчин, но только в некоторых из них анализируется гендер как таковой. Во-первых, обычно исследуется пол (sex) как биологический «факт», а не пол (gender) как социальная конструкция. Во-вторых, почти не получает признания сама постановка проблемы существования пола (sex) как социальной категории и пола (gender) как социальной конструкции. Наличие двух биологических полов и двух полов как социальных конструкций принимается зачастую за данность. Более того, принято считать, что исследователь в состоянии точно установить принадлежность респондента к определенному полу.

Другое допущение состоит в том, что мужчины и женщины различны настолько, что их можно разнести по отдельным категориям. При этом исследователи обычно изучают воздействие пола как биологической, психологической и социальной категории на предмет исследования. Если удастся установить какие-либо особенности, то их считают результатом различий между гендерными категориями (мужчинами и женщинами), что само по себе является тавтологией, поскольку исследователь заведомо исходит из посылки об их различии, изначально относя женщин и мужчин к разным категориям. Если же различия не обнаруживаются, то делается заключение, что пол как биологическая и социальная категория на данную переменную не влияет, хотя подобная констатация и не нарушает общего убеждения в том, что женщины и мужчины коренным образом отличаются друг от друга.

Одним из наиболее распространенных подходов в социальных науках, использующих категорию гендер, является изучение гендерных ролей.

Простейшая модель, используемая для построения концепции гендерных ролей, — это взгляд на «совершенно маскулинные» и «совершенно фемининные» как на два крайних полюса в непрерывном спектре. Базовое предположение, положенное в основу данной модели: чем чаще и сильнее человек проявляет маскулинное поведение, тем реже и слабее будет проявляться фемининное поведение, и наоборот.

Маскулинность и феминность выступают здесь как нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и для женщин; элемент полового символизма, связанный с дифференциацией половых ролей.

Психологические различия между мужчинами и женщинами возникают и формируются, скорее, вследствие особенностей семейного воспитания мальчиков и девочек, а также социального воздействия, нежели из-за биологических различий между полами.

Другие концепции феминности и маскулинности, напротив, предполагают большую взаимную независимость этих двух качеств, чем в биполярной модели. В этих моделях считается, что некоторые люди с высокой частотой проявляют как маскулинное, так и фемининное поведение. Такое проявление обоих типов поведения одним человеком называется *андрогинией*. Соответственно, некоторые люди могут редко проявлять как то, так и другое поведение, оставаясь, таким образом, относительно недифференцированными. Наконец, может встречаться и наиболее распространенный среди людей случай, когда человек проявляет высокий уровень поведения одного типа и низкий — другого, которое, таким образом, может рассматриваться более маскулиненным или фемининным. Ортогональная мо-

дель исходит из полной независимости маскулинности и феминности. В неортогональной модели предполагается, что утверждение: чем более «маскулинизирован» человек, тем менее он «феминизирован», и наоборот, — верно только до некоторой степени [9, с. 221–243].

На этом принципе основаны многие тесты, измеряющие феминность, маскулинность. При этом каждый человек, независимо от того, мужчина он или женщина (аскриптивно), может быть отнесен к одной из четырех групп:

- 1) к маскулинным индивидам (с выраженными традиционно мужскими качествами, такими, как честолюбие, решительность);
- 2) к феминным индивидам (с выраженными традиционно женскими качествами, такими, как аффективность, мягкость);
- 3) к андрогинам, т.е. к людям, сочетающим в себе как традиционно женские, так и мужские черты;
- 4) к людям с неопределенной психологической половой идентичностью, т.е. к тем, кто не обладает выраженными маскулинными либо феминными чертами.

Исследования, проведенные С. Бем, свидетельствуют, что андрогиния является важной социопсихологической характеристикой человека, определяющей его способность менять свое поведение в зависимости от ситуации, андрогиния способствует формированию устойчивости к стрессам, помогает в достижении успехов в различных сферах жизнедеятельности. Развитие исследований по проблематике психологического пола, разработка таких понятий, как «схема пола», «значимость половой идентификации для индивида» и т.д., направлены на поиск возможных путей формирования не только маскулинности и феминности, но и андрогинии.

Некоторые люди переходят через традиционную грань, разделяющую «ожидаемые» гендерные роли мужчин и женщин. Они испытывают определенный дискомфорт от традиционной мужской и женской идентификации и/или проявляют определенный уровень неконформизма по отношению к ним. Кроссгендерность может проявляться в разной степени. Так, Е.Р. Ярская-Смирнова рассматривает, например, наличие по крайней мере пяти полов: женский, мужской, гетеросексуальный, гомосексуальный и транссексуальный [10, с. 37].

В психологии и социологии традиционно кроссгендерность рассматривалась как патологическое состояние, и до сих пор в профессиональной литературе продолжают для описания кроссгендерности прибегать к таким терминам, как «нарушение гендерной идентичности» и «гендерная дисфория» [11].

Хотя в личности почти каждого человека есть какие-то элементы, не вполне укладывающиеся в ролевые стереотипы, традиционно приписываемые данному полу, некоторые люди посвящают значительные время и силы своему стремлению к кроссгендерности, которую они находят более соответствующей своей сущности, чем традиционные гендерные роли. Степень кроссгендерности может варьироваться и по-разному выражаться в поведении, от случайных переодеваний в одежду другого пола до смены пола хирургическим и гормональным путем.

Поскольку такие люди могут не в полной мере соответствовать одной из двух общепризнанных гендерных категорий, это нередко вызывает у окружающих чувство дискомфорта. К сожалению, когда кроссгендерные люди встречаются в реальной жизни, они скорее сталкиваются с поспешным осуждением и предрассудками, а не с добродушным приятием. Люди нередко не хотят понимать тех, кто нарушает социально определенные барьеры, относящиеся к полу.

Наиболее крайней формой кроссгендерности является транссексуализм. Транссексуалы являются анатомически нормальными мужчинами и женщинами, которые убеждены в том, что они обладают складом ума и личностными свойст-

вами противоположного пола, определяя последние так, как это принято в обществе и культуре. Обычно они начинают осознавать подобные ощущения очень рано и часто чувствуют себя так, как если бы они были рождены в теле противоположного пола. Сейчас разработаны специальные способы, позволяющие с помощью гормональных и хирургических методов добиваться того, что такие индивидуумы выглядят как представители противоположного пола. Транссексуалы, переживающие свои чувства наиболее остро, довольно часто принимают решение сменить свой пол не только анатомически, но и юридически [12, с. 131–141].

Следует отметить, что гендерная идентичность и гендерная роль не обязательно связана с сексуальной ориентацией. Например, многие мужчины, переодевающиеся в женскую одежду (трансвеститы), являются гетеросексуальными и предпочитают партнеров-женщин. Некоторые транссексуалы меняют пол ради того, чтобы иметь возможность быть геями и лесбиянками и таким образом иметь сексуальные контакты с представителями того пола, который был приобретен.

Итак, вопрос о роли природы и воспитания сохраняет свое значение и для концепции гендерной роли. Такая постановка вопроса, как: зависят ли гендерные различия от биологических или социальных факторов — признается слишком упрощенной. Сегодня ученые исследуют динамические связи между теми и другими, и, по-видимому, именно взаимодействие наследственности и среды сформировало гендерные роли в разные исторические периоды и в разных культурах.

Различия и взаимоотношения полов, социальное конструирование гендерных позиций пронизывают собой всю культуру, все социальные учреждения и социально-психологические установки. Они закладываются в человека в процессе социализации и перестают восприниматься как самоочевидные только благодаря критике, оспаривающей неравноправное положение тех или иных гендерных групп в обществе. Причем проблематичным в данном случае оказывается даже ответ на вопрос о количестве полов (два, четыре, шесть, а возможно, и больше — все это становится объектом углубленной научной рефлексии).

Литература

1. См. например: Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд. — М.: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1990; Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. — СПб., 1993.
2. Mischel, W.A. Sex typing and socialization / W.A. Mischel // Mussen P.H. (ed.) Carmichael's Manual of Child Psychology. — N.-Y., London, 1970. — V. 2.
3. Kohlberg, L. A cognitive — developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes / L. Kohlberg // Maccoby E.E. (ed.) The development of sex differences. — Stanford University Press, 1966.
4. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб.-М., 2001.
5. Thompson, S.K. Gender labels and early sex-role development / S.K. Thompson // Child Development. — 1975. — V. 46.
6. Кон, И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива) / И.С. Кон. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
7. Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2002.

8. Цит. по: Кон, И.С. Вкус запретного плода: сексология для всех / И.С. Кон. — М.: Семья и школа, 1997. — С. 64–65. Подробнее см.: Maccoby, E.E. The Psychology of sex Differences / E.E. Maccoby, C.N. Jacklin. — Stanford, 1974.
9. См.: Reinisch, J.M., Sanders, S.A. Prenatal hormonal contributions to sex differences in human cognitive and personality development // Gerall A.A., Moltz H., Ward I.L. (Eds.) Handbill of behavioral neurobiology: Vol. 11. Sexual differentiation. — New York: Plenum Press, 1992.
10. Ярская-Смирнова, Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе / Е. Ярская-Смирнова // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
11. Нарушение гендерной идентичности (гендерная дисфория) — выражение гендерной идентичности способами, противоречащими анатомическому полу человека.
12. Levine, S.B. Gender — disturbed males / S.B. Levine // Journal of Sex and Marital Therapy. — 1993. — Vol. 19.